

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII В. И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КАНАДЕ

В. А. Тишков

Война за независимость английских колоний в Северной Америке, положив начало новому независимому государству — Соединенным Штатам Америки, стала поворотным пунктом в истории всей британской колониальной империи. Утрата 13 самых богатых и крупных владений не привела к гибели колониальное хозяйство Великобритании. Английские буржуа и политики, приложив немало ума и упорства, используя силу и вероломство, создали на развалинах старой империи новую, так называемую вторую империю, просуществовавшую еще долгие годы¹. Эта «вторая империя», преследовавшая все те же колониалистские цели, была своеобразным ответом, реакцией на американскую революцию: учитывая ее уроки, укрепляя и модернизируя колониальную систему, английская метрополия, проиграв на полях военных сражений, как бы давала тем самым скрытый, но не менее отчаянный бой революционным идеям и практике буржуазного демократизма, народного представительства и национального суверенитета.

Наиболее яркой иллюстрацией этой невидимой «битвы века» стала историческая судьба Канады — североамериканской английской колонии, так и не ставшей в ходе войны за независимость «четырнадцатым штатом» США. На обширной территории долины р. Св. Лаврентия в какой-то определенный момент переплелись в сложной и своеобразной коллизии исторические явления самого крупного порядка, определив тем самым своеобразный путь развития этой страны.

Дать ответ на вопрос, каковы были последствия американской революции для оставшихся английских колоний в Северной Америке, нелегко. Самые авторитетные исследователи приходят порою к противоположным заключениям. Одни склонны считать Канаду чуть ли не «порождением» (by-product) американской революции², другие полагают, что революция привела к реак-

¹ См.: *Н. А. Ерофеев*. Империя создавалась так. М., 1964, стр. 141—162; *V. T. Harlow*. The Founding of the Second British Empire. 1763—1793, Vol. 2. New Continents and Changing Values. London, 1964.

² *A. R. M. Lower*. Colony to Nation. London, 1953, p. 109.

ции в колониях, которые стали «предметом более строгого и бдительного надзора из Лондона»³. «Американская революция оказала на британскую колониальную империю влияние, абсолютно противоположное тому, которое она оказала на саму метрополию, — писал известный специалист по английской колониальной истории профессор А. Бёрт. — Она повернула назад стрелки часов... и на протяжении почти полувека возобладала реакционная колониальная политика»⁴. Вопрос о последствиях революции и характере английской колониальной политики в Канаде после 1783 г. обсуждался на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме в 1960 г.⁵ В самое последнее время канадские историки, по примеру американских «новых левых», призвавших взглянуть на революцию «снизу», предлагают более внимательно посмотреть на нее с «севера», т. е. с точки зрения канадской истории⁶. Это предложение заслуживает внимания, ибо подводить черту под изучением проблемы пока еще рано.

Вопрос о судьбе Канады встал перед английской колониальной политикой еще до окончания военных действий в Северной Америке. На заключительном этапе войны метрополии было уже ясно, что независимость 13 колоний стала необратимой реальностью. В ходе мирных переговоров перед Англией стояли теперь задачи сделать минимум уступок победившей стороне и по возможности затруднить будущее независимое существование Соединенных Штатов, одновременно укрепив собственные пошатнувшиеся позиции в Северной Америке. В решении последней задачи особая роль отводилась оставшимся на континенте колониальным провинциям — Квебеку и Новой Шотландии⁷. Эти колониальные владения могли занять во внутриимперских торговых связях место, которое до этого занимали 13 освободившихся колоний, особенно в обеспечении жизненно важных поставок в английскую Вест-Индию. Территория Канады могла также послужить оплотом британской мощи в Северной Америке и форпостом для дальнейшей экспансии на север и запад, где оставались обширные неколонизованные территории.

³ G. S. Graham. A Concise History of the British Empire. London, 1970, p. 99.

⁴ A. L. Burt. The Evolution of the British Empire and Commonwealth. Boston, 1956, p. 25.

⁵ См.: «XI Congrès International des Sciences Historiques. Actes du Congrès» (далее — Actes du Congrès). Stockholm, 1962, p. 201—204.

⁶ H. A. Morton. The American Revolution: a View from the North. — «Journal of Canadian Studies», 1972, Vol. 7, N 2, p. 43—54.

⁷ Кроме того, Англия сохраняла в Северной Америке Ньюфаундленд и остров Принца Эдуарда. Понятия «Канада» и «Квебек» были в то время синонимами, хотя в источниках и литературе часто встречается более расширенное толкование термина «Канада» как всех английских владений к северу от американской границы, так называемой Британской Северной Америки, территории будущего самостоятельного государства Канада.

Такой подход к проблеме Канады нашел широкое распространение в правящих кругах Англии. В 1782 г. перед открытием мирных переговоров с американцами Георгу III был представлен министром по делам колоний лордом Жермейном меморандум, составленный бывшим губернатором Массачусетса, членом английского парламента Т. Поунеллом⁸. Этот документ, отражавший взгляды ряда влиятельных политических деятелей, был специально посвящен вопросу о важности сохранения канадских провинций за метрополией. «Обладание Квебеком и Новой Шотландией необходимо для Великобритании до тех пор, пока она сохраняет свои владения на островах Вест-Индии. Эти провинции при любых обстоятельствах могут быть для островов источником получения необходимых поставок древесины, рыбы и домашнего скота,— писал автор документа.— Владение провинциями необходимо Великобритании и как морской державе: без них она не сможет иметь морскую базу, обеспечивающую господство и защиту в американских морях... Богатство природных ресурсов и возможностей этой колонии позволяет ей стать гораздо более крупным источником торговли, чем это кажется на первый взгляд. Удобные водные коммуникации не только обеспечивают прекрасный рынок для торговли с индейцами, но и позволяют метрополии снабжать товарами население отдаленных районов гораздо более дешевыми путями, чем откуда бы то ни было»,—так выглядели главные соображения Т. Поунелла. И, наконец, последний, но далеко не самый маловажный аргумент в пользу сохранения колониального режима в Канаде состоял в следующем: «Преимущества и сила, которые дает владение этими провинциями, будут всегда служить сдерживающими факторами для тех «13 племен, которые ушли из Израиля», и, когда война будет окончена, они будут заинтересованы искать союза с Великобританией...» При этом важное место в политике по отношению к Канаде отводилось американским беженцам-лоялистам, решившим сохранить свое британское подданство. Заселение ими территорий Квебека и Новой Шотландии, по мнению автора документа, «может стать со временем главным средством их обороны и силы».

Уже в год окончания войны за независимость наиболее опытные и дальновидные чиновники настаивали на необходимости внесения корректив в колониальную политику Великобритании, в том числе в Канаде. В 1783 г. бывший помощник государственного секретаря по делам Америки У. Нокс писал, что отныне нужно прежде всего позаботиться об обеспечении прочных и постоянных связей метрополии с владениями в Северной Америке, а затем уже думать о том, какие из этих колоний можно извлечь выгоды. «Лучше вообще не иметь колоний, чем иметь их недостаточно преданными метрополии и стремящимися

⁸ См.: «English Historical Documents», ed. by D. B. Horn and M. Ransome, Vol. 10, 1714—1783. London, 1957, p. 792—793.

прежде всего к увеличению собственной морской мощи и к коммерческому процветанию». Что же касается развития колоний, то «оно должно поощряться лишь в той мере, в какой это отвечает указанным целям метрополии». По мнению У. Нокса, старый опыт создания колоний Новой Англии, когда «в первую очередь учитывались лишь торговые интересы и не проявлялась забота об укреплении системы зависимости», доказал свою полную несостоятельность. «Мы... будем еще большими простаками, если не извлечем из этого опыта уроков и не исправим в конституциях оставшихся у нас колоний те пороки и зло, которые вызвали в старых колониях революцию и отделение...» Во исправление этих «капитальных ошибок» У. Нокс предлагал осуществить в Канаде ряд мер, в том числе покончить с веротерпимостью и установить более сильную и привилегированную англиканскую церковь. «Это будет наиболее эффективным средством изгнания республиканцев из колоний и привлечения в нее приверженцев епископальной церкви из восставших колоний, что установит прочный барьер между нами». У. Нокс также призывал к всяческой поддержке лоялистов и предлагал создать для тех, кто приедет в Новую Шотландию, отдельную «лоялистскую провинцию, установив в последней сугубо олигархическое управление»⁹.

Как показали дальнейшие события, почти все идеи и предложения Т. Поунелла и У. Нокса оказались претворенными в жизнь. Но все дело в том, что процесс переоценки ценностей и перемен в английской колониальной политике произошел далеко не простым путем, а в условиях острой политической борьбы в колониях и метрополии и широкого движения за изменение существующего колониального режима в самой Канаде.

Наиболее важным последствием войны за независимость, оказавшим влияние на политику Англии в Канаде и внутреннее развитие колонии, стал переезд в Канаду многочисленных врагов американской революции — лоялистов. История лоялистской иммиграции и роль так называемых лоялистов единой империи в развитии Канады были и остаются одной из острых проблем в американской и канадской историографии¹⁰. Долгое время в литературе господствовала точка зрения, что американские тори были исключительно выходцами из привилегированных слоев колониального общества, местной знатью, «гарвардскими

⁹ «The United Empire Loyalists: Men and Myths», ed. by L. F. S. Upton. Toronto, 1967, p. 50—54.

¹⁰ См.: W. Brown. The View at Two Hundred Years: the Loyalists of the American Revolution.— «Proceedings of the American Antiquarian Society», April 1970, p. 25—47; *idem*. Loyalist Historiography.— «Acadiensis», Vol. 4, N 1, 1974, p. 133—138; A. E. Morrison. New Brunswick: the loyalists and the historians.— «Journal of Canadian Studies», Vol. 3, N 3, 1968, p. 39—49; J.-A. Fellows. The Loyalist Myth in Canada.— «Canadian Historical Association. Historical Papers, 1971». Toronto, 1971, p. 94—111.

выпускниками»¹¹. За последние годы появилась точка зрения, что лишь часть лоялистов составляли представители зажиточных социальных слоев¹². Одновременно были опубликованы исследования, где анализ природы лоялизма делался на основе религиозного, национального и географического подходов. Американские тори были объявлены представителями «меньшинств», которые в той или иной степени нуждались в защите от «американского большинства»¹³. В новейшем исследовании Б. Бэйлина лоялизм предстает как явление, состоящее из понятий «иррациональных», «нелогичных», а судьбы лоялистов трактуются как результат человеческих страстей, свойств характера и стечения обстоятельств¹⁴. Отсюда и вся американская революция предстает как событие без исторической логики и объективных основ.

При всем многообразии точек зрения два основных вывода едва ли сегодня могут быть подвергнуты сомнению: основу лоялистской эмиграции составляли прежде всего те, против кого американская революция была направлена и кому она несла угрозу — это колониальные чиновники, высшее англиканское духовенство, крупные лендлорды, купцы, связанные с метрополией. В то же время в лагерь лоялистских беженцев попали многочисленные группы фермеров, мелких ремесленников и торговцев из районов, находившихся под контролем англичан, рядовые прихожане, последовавшие за своими верноподданнически настроенными священниками, безземельные поселенцы, надеявшиеся получить пожалование в Канаде, и отдельные лица, по тем или иным причинам сохранившие верность британской короне и старому режиму.

Эмиграция лоялистов из 13 североамериканских колоний началась еще в первые годы войны за независимость. Самым желанным местом для беглых тори стала Новая Шотландия, где власти уже в 1775 г. объявили о предоставлении убежища противникам отделения от метрополии. После эвакуации английских войск из Бостона в марте 1776 г. в Галифакс бежало свыше 1 тыс. чиновников и влиятельных лиц дореволюционной Новой Англии, сотрудничавших с англичанами. Основной поток лоялистской эмиграции пришелся на конец войны и первые послевоенные годы. Всю заботу о беженцах вынуждена была взять на себя Великобритания. Для этого от метрополии потребовалось внести изменения в политику заселения Канады. Дополнительные инструкции губернатору Хэлдименду летом 1783 г. разрешили пожалование земель тем британским подданным бывших 13 колоний, кто сохранил свою преданность и пожелал проживать на терри-

¹¹ «The United Empire Loyalists...», p. 12—20.

¹² W. Brown. The King's Friends. Providence, 1965, p. 267.

¹³ W. H. Nelson. The American Tory. London, 1961, p. 85—92.

¹⁴ B. Balyn. The Ordeal of Thomas Hutchinson. Cambridge (Mass.), 1974, p. VII—XII, 375—380.

тории империи. Сюда же относились подлежащие демобилизации офицеры и солдаты английских колониальных войск.

Земля должна была делиться на сеньории и жаловаться по принципу феодального держания в следующей пропорции: для лоялистов из числа гражданских лиц — по 100 акров главе семьи и по 50 акров на каждого ее члена; для военных — по 1 тыс. акров высшим офицерским чинам, по 700 акров капитанам, по 500 акров младшим офицерским чинам и по 200 акров рядовым. В течение первых лет поселения колониальные власти обязались снабжать лоялистов провиантом, инвентарем, одеждой, строительными материалами, а также освобождать от уплаты земельной ренты. От получателей земли требовалось лишь обязательное принесение присяги на верность английской короне¹⁵. Всего в послереволюционные годы метрополия оказала лоялистам помощь в разной форме на огромную сумму — свыше 2 млн. ф. ст.¹⁶

Щедрость колониальных властей не была бескорыстной. Как писал в Лондон губернатор Квебека, «поселенные вместе в большом количестве лоялисты создадут общество преданных интересам Великобритании порядочных людей, которые будут полезны во многих отношениях...»¹⁷

При анализе лоялистской иммиграции в Канаду следует учитывать тот факт, что многие из наиболее состоятельных и влиятельных тори (королевские чиновники, купцы-торговцы, ленд-лорды, высшее офицерство) уехали непосредственно в Англию. Менее состоятельные и просто бедные лоялисты могли эмигрировать только в Канаду или Вест-Индию. Именно поэтому большинство тех, кто прибыл в Квебек и Новую Шотландию, были представителями средних слоев — торговцы, ремесленники, фермеры. Однако и в этой части эмиграции, особенно среди переселенцев в Новую Шотландию, была значительная часть богатых джентри — выходцев из Новой Англии¹⁸. Некоторые лоялисты привезли с собой по несколько десятков негров-рабов¹⁹.

Наиболее состоятельные в прошлом и наиболее предприимчивые лоялисты, пользуясь покровительством метрополии, намеревались с лихвой вернуть утраченные в революцию привилегии и состояния. Это не могло не делаться в ущерб основной

¹⁵ Public Archives of Canada (далее — PACR), Report for the Year 1904. Ottawa, 1905, p. 264—265; Documents relating to the constitutional history of Canada, 1759—1791, ed. by A. Shortt and A. G. Doughty (далее — Constitutional Documents, 1759—1791). Ottawa, 1918, p. 730—732.

¹⁶ H. T. Manning. British Colonial Government after the American Revolution (1782—1820). New Haven, 1933, p. 39.

¹⁷ Select Documents in Canadian Economic History 1783—1885, ed. by H. A. Innis and A. R. M. Lower. Toronto, 1933, p. 10.

¹⁸ W. S. Macnutt. The Atlantic Provinces. The Emergence of Colonial Society. 1712—1857. Toronto, 1965, p. 94—95.

¹⁹ N. Callahan. Flight from the Republic. The Tories of the American Revolution. New York, 1967, p. 4—5.

массе эмигрантов, что сразу же привело к внутренним противоречиям в лоялистской эмиграции, свидетельствуя о ее социальной неоднородности. Известен случай, когда в июле 1783 г. группа «респектабельных» лоялистов из Нью-Йорка обратилась с письмом к командующему английскими войсками Г. Карлтону с просьбой пожаловать им в Новой Шотландии на льготных условиях огромные поместья по 5 тыс. акров общей площадью в 275 тыс. акров земли. Узнав об этом обращении, свыше 600 лоялистов, находившихся в том же городе перед отъездом в Новую Шотландию, направили главнокомандующему разоблачительную петицию против «клики 55», члены которой и без того «наживались во время революции», а теперь «пытаются захватить лучшие земли и превратить в арендаторов основную массу тех, кто уступает им лишь в искусстве закулисной политики»²⁰.

Основная масса лоялистских эмигрантов прибыла в Новую Шотландию после эвакуации Нью-Йорка в 1783 г. Всего в эту приморскую колонию к концу 1783 г. переехало около 20 тыс. человек²¹. Кроме Галифакса, лоялисты селились в прибрежных поселках или же основывали новые поселения. Так, например, большая группа (500 семей) весной 1783 г. основала в бухте Роузвэй г. Шелберн. К осени в Шелберне было уже около 10 тыс. жителей. Судьба этого города печальна. Первые эмигранты, в основном из числа влиятельных лоялистов, по прибытии захватили в районе поселения лучшие земли, значительно превысив установленные размеры пожалований. Последующие группы поселенцев, в большинстве из демобилизованных солдат, столкнулись уже с земельной спекуляцией и стремлением более состоятельных лоялистов занять привилегированное положение в новой лоялистской общине. Вместо идеального поселения единомышленников, пострадавших за верность английской короне, город стали раздирать социальные и расовые конфликты. Уже в первый год произошли столкновения белых жителей с неграми, которые были силой выселены за пределы города. Один из лоялистских лидеров Шелберна записал в своем дневнике: «Этот отвратительный дух республиканизма и городских собраний уже и здесь несет нам гибель и, если не будет остановлен более строгими формами правления, разрушит надежду, которую рождают наши восстанавливающиеся дела»²². Нежизнеспособной оказалась и экономика города. К началу века Шелберн стал «городом-призраком» с населением около 300 человек.

Другая крупная группа лоялистов поселилась в долине р. Сент-Джон и на северном побережье залива Фанди. Здесь

²⁰ «The United Empire Loyalists...», p. 68–71.

²¹ H. J. Cowan. British emigration to North America. The First Hundred Years. Toronto, 1961, p. 11.

²² «The United Empire Loyalists...», p. 72. О судьбе этого лоялистского поселения см.: N. Callahan. Op. cit., p. 9–25.

также лучшие земли были захвачены наиболее состоятельными лицами и сразу же наметились социальные различия между аристократическими элементами, составлявшими меньшинство, и демократическим большинством. С другой стороны, лоялистская эмиграция привела к появлению антагонизма между пострадавшими за верность королю тори и старым населением колонии, не проявившим особой преданности метрополии в годы революции²³.

Лоялистские лидеры не желали подчиняться властям Галифакса и местной ассамблее, подверженной, по их мнению, революционной заразе. Это обстоятельство стало поводом для требований лоялистов района р. Сент-Джон отделиться от Галифакса и образовать самостоятельную колонию. В основе этого плана лежало желание установить монополию на эксплуатацию природных богатств долины р. Сент-Джон (земля, лес, рыба) и торговлю с Вест-Индией. Образование лоялистской колонии по соседству с США рассматривалось также как большой пропагандистский эксперимент. Один из видных лоялистов, будущий член совета новой провинции, Э. Уинслоу, ратовал в пользу новой колонии: «Когда народ соседних штатов будет наблюдать за нашими действиями, когда они увидят нас, пользующихся благами правильной системы управления под защитой метрополии, не обремененных излишними налогами, и сравнят свое положение с нашим, не станут ли они завидовать нам? Конечно, станут, и многие из них, наиболее уважаемых жителей, немедленно присоединятся к нам»²⁴.

Настойчивые требования лоялистов района р. Сент-Джон совпали с интересами метрополии. Предложенный в свое время У. Ноксом проект создания отдельной лоялистской провинции был одобрен правительством, и в августе 1784 г. решением Лондона из Новой Шотландии была выделена самостоятельная колониальная провинция Нью-Брансуик. Следуя классическому принципу «разделяй и властвуй», метрополия установила в новом колониальном образовании авторитарное правление во главе с губернатором и советом, в состав которого вошли наиболее богатые аристократические элементы. Население Нью-Брансуика насчитывало 11—14 тыс. человек²⁵.

Однако Нью-Брансуик не стал идеальным колониальным обществом, как на то рассчитывали его создатели. На берегах Сент-Джона и залива Фанди мгновенно возникали те же городские собрания, которые люто ненавидели американские тори,

²³ О ситуации в Новой Шотландии в период революции см.: J. B. Brebner. *The Neutral Yankees of Nova Scotia. A Marginal Colony during the Revolutionary Years*. New York, 1970.

²⁴ Winslow Papers, 1776—1825, ed. by W. O. Raymond. Saint John, 1901, p. 188—194.

²⁵ H. J. Cowan. *Op. cit.*, p. 12.

а первые выборы в колониальную ассамблею в октябре 1785 г.²⁶ прошли в такой острой политической борьбе между аристократическими элементами и представителями низших слоев, что губернатору Т. Карлтону пришлось применить силу, чтобы подавить выступления недовольного большинства из числа демобилизованных солдат и других бедных эмигрантов.

Острыми противоречиями сопровождалась и лоялистская эмиграция на остров Принца Эдуарда, куда в 1783 г. уехало несколько сот человек. Этот остров фактически принадлежал не нескольким крупным землевладельцам, заинтересованным в его заселении. Но прибывшие сюда лоялисты встретились с огромными трудностями в получении земельных пожалований, ибо хозяева земли хотели иметь в качестве держателей феодально зависимых крестьян, а не поселенцев-фригольдеров²⁷.

В Квебек лоялистская иммиграция началась после Саратоги. К концу войны число лоялистов составило здесь уже около 7 тыс. Только в 1784 г. в провинции поселилось 5628 лоялистов и демобилизованных солдат²⁸. Всего население западной части Квебека насчитывало 14 тыс. человек²⁹. В отличие от лоялистов-эмигрантов в приморские колонии эта часть новых поселенцев состояла в основном из фермеров пограничных районов Нью-Йорка, Пенсильвании, Вермонта, прибывших в Канаду в надежде получить землю. Колониальные власти запретили эмигрантам селиться в восточных районах Квебека, скупив у индейцев за бесценок земли для новых поселений на западе провинции в районе Ниагары, Онтарио и верховьев р. Св. Лаврентия. Метрополия преследовала две цели, создавая отдельные лоялистские поселения на западе Квебека. С одной стороны, вокруг франкоканадского населения складывалось бы английское окружение — залог контроля и будущей ассимиляции этой общности; с другой — поселения лоялистов вдоль границы с США, по мнению колониальных властей, создавали бы надежную защиту от возможной экспансии американских соседей с юга, играли бы роль гаранта претензий Англии на земли к северо-западу от Великих озер, служили бы защитой торговых путей, важность которых возросла с утратой долины р. Огайо после революции³⁰.

²⁶ Избирательное право было предоставлено только белым мужчинам от 21 года, живущим в колонии свыше 3 месяцев и владеющим свободным земельным держанием стоимостью не менее 20 ф. ст. В результате в выборах могли участвовать лишь наиболее состоятельные землевладельцы (J. Garner. *The Franchise and Politics in British North America, 1775—1867*. Toronto, 1969, p. 54—56).

²⁷ W. S. Wallace. *The United Empire Loyalists. A Chronicle of the Great Migration*. Toronto, 1920, p. 87—89.

²⁸ PACR, 1891, p. 17.

²⁹ H. J. Cowan. *Op. cit.*, p. 11.

³⁰ H. J. Cowan. *Op. cit.*, p. 11; N. Macdonald. *Canada, 1763—1841. Emigration and Settlement. The Administration of the Imperial Land Regulation*. Lon-

Не в меньшей степени поддержка лоялистской иммиграции и охотное заселение пограничных районов Квебека объяснялись политическими мотивами: метрополия рассчитывала в лице лоялистского населения создать «барьер против распространения республиканизма с юга»³¹. Повсюду в Канаде лоялисты из высших классов получили руководящие должности и доходные sinecures. Они назначались интендантами, помощниками губернаторов, главными сборщиками налогов, верховными судьями, прокурорами. Офицеры получали пенсии. Многие были включены в этот список, хотя до этого не несли никакой военной службы. При заселении новых районов эмигрантами из США колониальные власти намеренно старались сохранить сугубо иерархическую, полувойсковую структуру лоялистских поселений. Помимо того, что размеры земельных участков очень сильно разнились в зависимости от воинских званий и рангов, правительство Квебека старалось образовать поселения на основе воинских подразделений. Так, весной 1784 г. в первые пять тауншипов на западе Квебека был поселен целиком батальон «Ройал йоркеры» (около 1,5 тыс. человек), и таким принципом власти руководствовались в будущем, рекомендуя лоялистам придерживаться во внутренней жизни военных порядков³².

Практика земельных пожалований носила еще более неравноправный характер, чем это было установлено официально колониальными властями. Вместо 5 тыс. акров высшие офицерские чины получали нередко гораздо больше, а некоторым рядовым лоялистам вместо положенных 200 едва доставалось 50 акров земли. Спекулянты скупали участки у тех, кто оказывался в затрудненном положении или не желал селиться на пожалованной земле, создавая тем самым еще более крупные поместья и перепродавая землю последующим поселенцам. Земля попадала в руки тех, кто и не думал ее обрабатывать, и оставалась незанятой на протяжении многих лет.

В официальных английских документах и некоторых исторических трудах довольно часто можно встретить описания счастливой и мирной жизни лоялистов, бежавших от революции в Канаду. На самом деле, как и в приморских провинциях, эмиграция и заселение лоялистами Квебека привели к возникновению новых социальных и политических проблем. Попытка создать новые поселения на феодально-олигархических, полувойсковых принципах встретила с решительным противодействием со стороны основной массы переселенцев. Как бы ни были консервативны лоялисты, они не могли примириться с феодальными

don, 1939, p. 55—56; «Colonists and Canadiens, 1760—1867», ed. by J. M. S. Careless, Toronto, 1971, p. 44.

³¹ V. T. Harlow, *Op. cit.*, p. 723.

³² PACR, 1891, p. 5; M. L. Hansen, J. B. Brebner, *The Mingling of the Canadian and American Peoples*, Vol. I. Toronto, 1940, p. 59—61.

принципами, на основе которых власти намеревались осуществить заселение. Желаящих стать избранными сеньорами было вполне достаточно, охотников составить массу феодально зависимых держателей среди переселенцев из США, где уже давно существовала система свободного землевладения (фригольд), было найти не так просто.

С первых же дней существования новых поселений в колонии начинается движение за введение свободной системы землепользования, совпадавшее в данном случае со стремлением франкоканадских крестьян избавиться от феодального бремени. В лоялистских поселениях начались внутренние беспорядки, направленные также против привилегированной лоялистской верхушки, офицеров, узурпировавших власть в тауншипах. Отсутствие представительных, выборных органов власти в колонии становится также одной из причин недовольства. В ряде мест поселенцы на стихийных собраниях отстранили от власти магистратов — бывших офицеров — и создали выборные комитеты с целью добиться удовлетворения своих требований³³. Все это в конечном итоге вылилось в движение за отмену Квебекского акта 1774 г., определявшего основы колониального режима в Канаде. В этом движении, отражавшем более общие потребности развития колонии, лоялисты нашли себе союзников и широкую поддержку среди остального населения.

В годы войны за независимость во внутренней жизни Канады произошли существенные перемены. Потребности войны дали довольно сильный толчок развитию местной торговли и стимулировали деловую активность. Интенсивное развитие получила мехоторговля в северо-западном направлении, центром которой становится г. Монреаль. Сокращение торговых связей с южными и юго-западными районами, развитие торговли по более сложным и отдаленным путям, конкуренция со стороны лондонской «Компании Гудзонова залива» заставляли канадских купцов объединять свои усилия и капиталы. В годы войны в Канаде впервые возникают многочисленные «пулы» для ведения пушной торговли³⁴. В 1783 г. на основе «пула 16-ти» была создана первая канадская меховая компания — «Северо-западная»³⁵.

Интересы растущей местной буржуазии столкнулись с новыми ограничениями, наложенными колониальными властями в годы революции и после ее окончания. Колониальный режим в Квебеке стал еще более жестким и тираническим. Правившие колонией губернаторы, военные, чиновники и лендлорды с подозрением относились к коммерческой деятельности купцов и торгов-

³³ A. L. Burt. The Old Province of Quebec. Toronto, 1933, p. 388.

³⁴ D. Creighton. The Empire of the St. Lawrence. Toronto, 1956 (1st ed.: 1932), p. 68—74.

³⁵ H. A. Innis. The North-West Company.— «Canadian Historical Review» (далее — CHR), 1927, Vol. 8, p. 310.

цев, особенно в новых пограничных районах. Колониальное правительство продолжало сохранять введенные во время войны запреты на частное судоходство по р. Св. Лаврентия и Великим озерам, что наносило большой ущерб меховой торговле с индейцами. В 1785 и 1786 гг. метрополией был наложен полный запрет на всякую торговлю морем и сушей с США³⁶.

Установление границы между США и Канадой Парижским миром 1783 г. также не отвечало хозяйственным интересам колонии. Довольно значительные районы между Огайо и Миссисипи, освоенные канадскими мехоторговцами, были переданы США, и к тому же без всякой консультации с индейскими племенами, проживавшими на этой территории³⁷. Объявление принципа свободной торговли в районах к западу от Великих озер, где политическая граница не была точно определена, также сулило выгоды прежде всего крупному капиталу метрополии и более мощной американской торговле. В результате сразу же после войны объем канадской пушной торговли сократился на две трети³⁸. В интересах местных торговцев и предпринимателей было добиваться свободы торговли внутри колонии и охраны торгового капитала от внешней конкуренции. Прежде всего купечество не устраивали многочисленные ограничения, наложенные колониальными властями на торговлю. Более широкие устремления канадских торговцев простирались вплоть до установления самостоятельных связей с Испанией, Португалией, Вест-Индией и другими районами внешнего мира.

Эти интересы и легли в основу политической борьбы, которую повели канадские торговцы против Квебекского акта, за введение в колонию выборной ассамблеи. Известный специалист по истории канадского купечества Д. Крейтон дает на этот счет вполне убедительное объяснение: «Купцы желали приобрести власть отчасти во имя самой власти, ибо их поколение уже целиком исповедовало религию парламентаризма, но в основном как средство для достижения других, гораздо более материальных по своей природе целей... Без всяких сомнений, они надеялись, что ассамблея даст им возможность превратить Квебек в район коммерческого процветания. Они определенно намеревались использовать систему налогообложения для поощрения развития промышленности и торговли...»³⁹

Уже с весны 1783 г. в городах Квебеке и Монреале начали действовать комитеты по выработке петиций и плана создания в Канаде выборной ассамблеи. В колонии начались выступ-

³⁶ PACR, 1904, p. 266.

³⁷ G. W. Brown. The St. Lawrence in the Boundary Settlement of 1783.— CHR, 1928, Vol. 9, p. 233; S. F. Bemis. Canada and the Peace Settlement of 1782—1783.— CHR, 1933, Vol. 14, p. 281.

³⁸ H. Neatby. Quebec. The Revolutionary Age. 1780—1791. Toronto, 1966, p. 218.

³⁹ D. Creighton. Op. cit., p. 99.

ления против узурпации власти узкой группой людей, входивших в окружение губернатора. От группы купцов английского и французского происхождения на имя губернатора поступил запрос с требованием допуска к заседаниям исполнительного совета при губернаторе. В сентябре 1783 г. по инициативе торговых элементов была принята и направлена английскому парламенту первая после окончания войны петиция за отмену Квебекского акта и введение в колонии избираемой ассамблеи⁴⁰. 24 ноября 1784 г. на собрании англо- и франкоканадских торговцев была принята совместная петиция в адрес английского короля и парламента. Под документом было собрано свыше 2 тыс. подписей. Петиция требовала отмены Квебекского акта и введения «свободной конституции» в колонии. Английское и французское население округов и городов должно было избирать «палату представителей» или ассамблею. Последний орган должен был обладать правом облагать налогами и устанавливать торговые пошлины в провинциях. Старые французские законы землепользования, наследования поместий и т. п. могли сохранять свое действие, однако в сфере торговли и предпринимательства должно было быть введено английское коммерческое право. К этой петиции прилагался более детальный план ассамблеи для колонии⁴¹, также отправленный в Лондон вместе с текстом петиции.

В апреле 1785 г. была представлена петиция королю от имени лоялистов западного района провинции Квебек. Основными требованиями этого документа было изменение существующей феодальной системы земельного держания, которая, как говорилось в петиции, вызывает «всеобщее недовольство» новых поселенцев. Лоялисты требовали установления английской системы пожалования и держания земли (фригольд), а также введения «английских законов и системы правления»⁴².

В движении за реформы с самого начала принимало активное участие франкоканадское население. Это были прежде всего представители нарождающейся местной буржуазии — франкоканадские торговцы, средние слои — ремесленники и городские жители, имена которых стояли в большом количестве под текстами вышеуказанных петиций. Наконец, в петициях нашли отражение и требования гораздо менее активного в политическом отношении франкоканадского крестьянства, как, например, требование отмены корвета — принудительных феодальных повинностей, что свидетельствовало о недовольстве среди основной массы населения колонии существующим сеньориальным строем⁴³.

⁴⁰ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 742.

⁴¹ PACR, 1890, p. 14; Constitutional Documents, 1759—1791, p. 742—746, 753—754.

⁴² Constitutional Documents, 1759—1791, p. 773—777, 801—802.

⁴³ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 778; H. Neatby. Op. cit., p. 199; S. D. Clark. Movement of Political Protest in Canada, 1640—1840. Toronto, 1959, p. 171.

Одновременно в колонии стали составляться в адрес властей метрополии так называемые контрпетиции в пользу сохранения Квебекского акта и против введения ассамблеи в Канаде⁴⁴. Эти документы были инспирированы правящей колониальной верхушкой, франкоканадской знатью — сеньорами. Противники перемен объединились в так называемую французскую партию, более точное название которой было «партия сеньоров», претендовавшую говорить от имени всей франкоканадской национальной общности. Подписи под контрпетициями, которые далеко не отражали настроения большинства населения, собирались обманным или просто насильственным путем⁴⁵. В ряде случаев под документами не было подписей вообще или же стояла претенциозная и откровенная — «главные собственники страны»⁴⁶. Именно поэтому было бы неверно представлять разгоревшуюся в Канаде политическую борьбу как борьбу между «прогрессивным» английским меньшинством («английская партия») и «реакционным» французским большинством («французская партия»). Существовавшие в то время названия политических группировок не отражали действительного соотношения сил. Ряд авторитетных исследователей справедливо отмечают, что противостоящие друг другу силы определялись не по национальному, а скорее по классовому признаку, и справедливо заключают, что большинство франкоканадского населения было за реформы, введение ассамблеи, против существовавшего порядка⁴⁷.

Колониальная верхушка, фигурирующая в документах как «французская партия», «партия сеньоров», а еще точнее «правлящая партия», всячески противилась каким-либо переменам и прежде всего заботилась об укреплении существующего колониального строя. В октябре 1783 г. губернатор Ф. Хэлдименд, считавший, что «сейчас не время для инноваций», писал в Лондон следующее: «Только возвратив канадцев к обычной системе подчинения можно сохранить эту провинцию и сделать население полезным метрополии в качестве хорошо дисциплинированной милиции. Для того чтобы добиться этого, власть существующего правительства должна укрепляться, а не ослабляться». Касаясь требований отменить Квебекский акт, губернатор категорически возражал против этого шага: «Те, кто стряпает петиции и сеет вражду, имеют определенный замысел — создать систему правления, которая, напоминая республиканскую систему Соединенных Штатов, может подготовить население к объединению с ними при удобном случае в будущем»⁴⁸. Губернатор и его окружение попытались нормализовать положение отдельными

⁴⁴ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 754—758, 762—764.

⁴⁵ H. Neatby. Op. cit., p. 253.

⁴⁶ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 962.

⁴⁷ «Colonists and Canadiens...», p. 56; H. Neatby. Op. cit., p. 255.

⁴⁸ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 736—737.

уступкам. В 1784 г. Ф. Хэлдименд фактически ввел в Квебеке «Хабеас корпус акт». В 1785 г. сменивший Хэлдименда после его отъезда в Англию губернатор Гамильтон реформировал судебную систему в духе английского права, введя, в частности, суд присяжных для дел, связанных с предпринимательством и торговлей ⁴⁹.

Это были прежде всего уступки торговым элементам колонии. Но большего правящая верхушка не могла позволить даже губернатору. В 1785 г. Гамильтон сокрушенно писал в Лондон о провале из-за яростного сопротивления «правлящей партии» его намерений изменить систему принудительной воинской и трудовой повинностей, которыми были обложены франкоканадские абитаны. В конечном итоге Гамильтон был смещен со своего поста после очень краткого опыта «реформаторства». Интересно письмо последнего министру по делам колоний лорду Сиднею от 20 апреля 1785 г., которое достаточно хорошо характеризует взгляды Гамильтона и ситуацию в колониальной верхушке: «В этой провинции есть небольшое число лиц, считающих желательным, чтобы канадцы (имеются в виду франкоканадцы.— *В. Т.*) испытывали при английском правлении такие ограничения и тяготы, которые могут создать в их умах благоприятные воспоминания о бывшем положении при французских законах и деспотическом правлении... Я отважусь заявить, что если что и сможет решительно ускорить недовольство канадцев английским правлением, так это идея, которую некоторые исповедуют и которой руководствуются в своих рассуждениях и действиях, что военная система сама по себе и ее принципы управления могут удерживать народ этой колонии в подчинении». Необходимы срочные перемены — таков был вывод этого чиновника ⁵⁰.

Осенью 1785 г. вместо смещенного Гамильтона лейтенант-губернатором был назначен Г. Хоуп — ярый противник каких-либо перемен в колонии. В письме лорду Сиднею от 2 ноября 1785 г. Хоуп был вынужден признать, что движение против Квебекского акта, имевшее место в Канаде в 1774—1775 гг., снова возродилось после окончания революции и заключения мира, что «желание к нововведениям» распространяется по всей провинции. В то же время губернатор попытался представить это движение как результат деятельности одиночек, не поддержанных основной массой населения. «Присоединившиеся к петиции — это в основном бюргеры, лавочники Квебека и Монреаля, зависимые от английских торговцев и за редким исключением нереспектабельного происхождения. Знать, собственники земли и белое духовенство очень довольны привилегиями, дарованными парламентским актом (имеется в виду «Квебекским».— *В. Т.*) и настойчиво желают его

⁴⁹ PACR, 1914—1915, p. 139—147, 149—160; Constitutional Documents, 1759—1791, p. 738, 780—793.

⁵⁰ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 778—779.

сохранения». От заблуждений, по мнению Хоупа, избавляется и рядовое духовенство⁵¹. По всем этим причинам губернатор считал, что не следует менять существующую конституцию Канады⁵².

Успокаивающие реляции губернатора в Лондон резко контрастировали с действительным положением в колонии. В тот же день, 2 ноября 1785 г., которым помечено письмо Хоупа Сиднею, в Монреале на собрании торговых элементов было принято новое обращение, в котором подтверждались все старые требования и в еще более решительной форме поддерживались требования, изложенные в петициях от лоялистских поселений. Аналогичный документ был принят неделю спустя и торговцами г. Квебека⁵³.

Последние две петиции поступили в правительственные круги метрополии с солидным «подкреплением». В январе 1786 г. в Лондоне на собрании английских купцов, торгующих с Канадой, был принят меморандум в поддержку требований канадского купечества⁵⁴. Лондонские купцы, преследуя свои личные интересы, писали о «жалком и плачевном положении этой провинции», резко осуждали «скверный и бестактный» Квебекский акт и также требовали принятия новых законов, которые создали бы лучшие условия для колониальной торговли и обеспечили защиту частной собственности. Меморандум поддерживал требования о введении в Канаде провинциальной легислатуры или ассамблеи, «как во всех английских колониях Америки».

Столь благоприятная позиция лондонских буржуа объяснялась, по-видимому, прежде всего тем, что находившаяся под контролем английского капитала крупная внутренняя и внешняя торговля колонии не в малой степени зависела от местной ситуации и конъюнктуры. К тому же отныне Канада рассматривалась английской буржуазией как главная опора в торговой конкуренции с Соединенными Штатами. Недаром в меморандуме были изложены требования предоставить Канаде в противовес американским штатам преимущества в поставках зерна и хлеба на рыбные промыслы Ньюфаундленда, разрешить прямой ввоз в Канаду из Испании и Португалии ряда товаров, запрещенных до этого навигационными актами, поощрять развитие канадской торговли лесом и производства пеньки, снять ограничения на строи-

⁵¹ Хоуп имел в виду верноподданническую «петицию римско-католических граждан королю» от июня 1785 г. (Constitutional Documents, 1759—1791, p. 762—764), которая на самом деле была составлена высшим духовенством и знатью. Что касается рядового франкоканадского духовенства, то оно, по свидетельству самого Халдименда, было целиком на стороне противников Квебекского акта и «заслуживало быть высланным из страны» (Ibid., p. 795).

⁵² Ibid., p. 793—796.

⁵³ Ibid., p. 801—804.

⁵⁴ Ibid., p. 796—801.

тельство частных судов и на навигацию по Великим озерам для облегчения торговли с индейцами.

В последние годы существования провинции Квебек движение за реформы набрало еще большую силу. В 1787 г. в связи с новой волной по сбору подписей под петициями в адрес короля и парламента в колонии возник настоящий политический кризис. Колониальный режим был по сути дела парализован, ибо губернатор и законодательный совет не могли осуществлять свою самую непосредственную функцию — собирать налоги и пошлины. Поступление каких-либо доходов в колониальную казну на местные нужды фактически приостановилось⁵⁵. Сложившаяся ситуация требовала от метрополии принятия каких-то более определенных действий.

В годы войны за независимость метрополия поощряла и поддерживала наиболее авторитарные, диктаторские формы правления в Канаде. Губернаторы Карлтон и Хэлдименд практически не созывали исполнительный совет — единственный коллегиальный орган управления, установленный Квебекским актом. Всеми делами заправлял так называемый личный совет — узкий круг людей из крупных чиновников, духовенства и сеньоров, сгруппировавшихся вокруг губернатора⁵⁶. Формальные указания Лондона более точно выполнять положения Квебекского акта и прекратить единоличное управление колонией⁵⁷ губернаторами не выполнялись. Намерений вносить какие-либо изменения в существующий колониальный режим у представителей метрополии в колонии не было ни в годы войны, ни после заключения мира в 1783 г.⁵⁸ Эта позиция находила поддержку и одобрение правительства в Лондоне. Ни премьер-министр лорд Норт, ни пришедший ему на смену в декабре 1783 г. Уильям Питт младший не собирались менять установленный в Канаде колониальный режим. Король также считал необходимым сохранять действие Квебекского акта в качестве гарантии против действия подрывных сил⁵⁹. Министр по делам колоний лорд Сидней, получивший установку сопротивляться каким-либо переменам в колониях Северной Америки, сместил, как мы уже знаем, в августе 1785 г. лейтенант-губернатора Квебека Гамильтона, осуществившего в колонии ряд перемен в интересах торговых элементов.

Однако революция и сведения о недовольстве существующим положением дел в самой Канаде, общее изменение ситуации в колониальной империи требовали внесения срочных и необходимых корректив в политику. Признание Соединенных Штатов в качестве суверенного государства изменило положение Канады в

⁵⁵ *H. T. Manning. Op. cit.*, p. 314.

⁵⁶ Подробнее см.: *H. Neatby. Op. cit.*, p. 156—189.

⁵⁷ *Constitutional Documents, 1759—1791*, p. 704—705, 722—724.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 711—722, 735—737.

⁵⁹ *V. T. Harlow. Op. cit.*, p. 724—727.

британской колониальной системе. Географические открытия на севере и западе континента, активизация мехоторговли и соперничества с Испанией, США и Россией в последние десятилетия XVIII в. повысили стратегическое значение некогда небольшого колониального владения на берегах Св. Лаврентия. Метрополия начинает рассматривать колонию как континентальное владение, охватывающее территорию от Атлантического до Тихоокеанского побережья. Помимо поставщика предметов первой необходимости в Вест-Индию Канада могла стать важным торговым коридором, по которому английские промышленные товары получили бы доступ к быстро развивающимся поселениям в бассейне р. Миссисипи. Такой подход повышал значение торговых центров Квебека и Монреаля в расчетах лондонских министров и требовал проявления большего внимания к интересам торговых элементов колонии и метрополии, которые в должной мере до этого не учитывались.

Чтобы спасти остатки колониальных владений в Северной Америке от поглощения Соединенными Штатами и консолидировать их как континентальную торговую и стратегическую базу метрополии, необходимо было укрепить основы колониального режима в Канаде, превратив последнюю в оплот борьбы против республиканизма. Нейтрализовать эффект американской революции, доказать несостоятельность идеи независимости и преимущества сохранения колониальных связей на примере оставшихся на континенте владений во имя сохранения этих владений — этот момент становится одним из определяющих в колониальной политике метрополии. Существовавший до этого в Квебеке режим, основой которого был союз метрополии с французскими сеньорами и католической церковью, как показали события времен войны за независимость, не мог считаться достаточно прочным и надежным. Лоялистская иммиграция и возрастание населения английского происхождения, рост средних слоев, класса местной англоканадской буржуазии не только возродили надежды колонизаторов на ассимиляцию франкоканадского населения, но и заставили метрополию более решительно переориентироваться на английское меньшинство.

В Лондоне понимали, что назревшие и требуемые перемены должны быть осуществлены сверху, не дожидаясь, когда ситуация в Канаде достигнет критического состояния. Это достаточно откровенно признал вновь назначенный генерал-губернатором Канады в 1786 г. Г. Карлтон, получивший титул лорда Дорчестерского. Приступая к привычным для себя обязанностям, он так сформулировал свое новое кредо: «Правильной для нас политикой было бы не позволять им (имеются в виду Соединенные Штаты. — В. Т.) что-либо выиграть от отделения. Все уступки и привилегии, предложенные конгрессу для заключения мира, следует пересмотреть и не предоставлять слишком быстро те из них, которых также желают в настоящий момент провинции,

оставшиеся в нашем подчинении. Чтобы предоставление последним каких-либо уступок имело должный эффект, их следует даровать, пока не просят, дабы казалось, что они исходят от доброй воли самого правительства. Было бы неразумным позволить лидерам антиправительственной агитации добиться этих уступок бунтами и восстанием и узурпировать у правительства благодарность и доверие народа»⁶⁰.

Хотя официальные инструкции Карлтону были выдержаны в старом духе, ему все же поручалось тщательно изучить положение в колонии и «мнение провинции насчет перемен в конституции» и доложить об этом в Лондон⁶¹. Ситуация в колонии, видимо, была настолько серьезной, что лорд Дорчестер немедленно осуществил ряд частных реформ. В 1787 г. был издан ордонанс об открытии торговли между Канадой и США по внутренним водам. Разрешался свободный ввоз в Канаду товаров, которые могли быть реэкспортированы в Англию. В 1788 г. была еще более расширена торговля между Канадой и США по суше и внутренним водам. Запрещался лишь ввоз мехов и спиртных напитков. Власти сняли также ограничения на плавание канадских судов по системе рек Св. Лаврентия — Ришелье и Великим озерам⁶². В земельном вопросе Дорчестер проводил политику щедрых пожалований лоялистам, увеличив постепенно размер участков до 5 тыс. акров для высшего офицерства и для гражданских лиц — до 200 акров⁶³. В 1788 г. только 94 солдатам и офицерам, участвовавшим в борьбе против американских экспедиционных войск в Квебеке, было пожаловано 24 тыс. акров земли⁶⁴. Всего к этому времени в западных районах Квебека было уже пожаловано лоялистам свыше 3 млн. акров. Однако с увеличением размеров пожалований возражения лоялистов против французской системы феодального держания земли лишь усилились. Петиции лоялистов были столь многочисленны, что только из района Монреаля губернатор получил их весом в 10 ф.! С разделом в 1788 г. лоялистских поселений к западу от Монреаля на четыре самостоятельных округа власти были вынуждены ввести здесь фактически английскую систему держания земли (соккедж).

Все вышеназванные акции колониальных властей не затрагивали основ политического режима и не решали главных проблем колонии. Для сбора информации и выработки рекомендаций для метрополии по вопросу об изменениях конституции колонии была создана специальная комиссия при исполнительном совете. Работа комиссии и обсуждение представленных ею докладов стали

⁶⁰ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 811

⁶¹ Ibid., p. 816—836.

⁶² PACR, 1914—1915, p. 196, 203, 204, 207.

⁶³ Ibid., 1904, p. 278.

⁶⁴ Ibid., 1891, p. VIII—IX.

лишь дополнительным толчком к обострению политической борьбы в Канаде. Членам комиссии были направлены новые многочисленные петиции от лоялистов. «Мы самым искренним образом заявляли от нашего имени и жителей Нового Освегачи,— говорилось в одной из петиций,— что способны владеть пожалованной нам землей, если только она будет свободной от каких-либо сеньюральных претензий или обязанностей, за исключением фиксированной ренты»⁶⁵.

В начале 1787 г. комиссия совета представила губернатору несколько докладов, содержащих самые решительные выводы о необходимости радикальных перемен в колонии, а именно: введения английского гражданского и судебного права, замены феодальной системы земельных пожалований английским фригольдом, введения английской системы мер и весов. «Старая феодальная система держания земли *in fief and seigneurie* ... враждебна духу свободной коммерции и вместе с существующей системой правления в огромной степени препятствует заселению земель и развитию всей провинции»⁶⁶,— говорилось в докладе о торговле.

Выводы комиссии, настроения широких слоев канадского населения и некоторых представителей колониальной администрации вынудили власти Квебека более определенно сформулировать свои позиции перед метрополией. 13 июня 1787 г. Дорчестер в письме министру по делам колоний подробно изложил свою точку зрения на положение в колонии. Этот документ заслуживает особого внимания, ибо в нем впервые формулируется ряд очень важных принципов, легших в основу последующей политики Англии в Канаде. «С тех пор, как было введено в 1764 г. гражданское правление, в этой провинции возникли две партии: одна, рьяно выступающая за введение английских законов и ассамблей, другая, не менее обеспокоенная сохранением существующей формы правления с ее старыми законами и обычаями этой страны. К несчастью, случилось так, что Квебекский акт, полностью удовлетворивший последних, был принят во времена, когда в условиях последнего восстания положение в колонии было слишком тревожным, чтобы можно было думать о чем-то большем, кроме как о самообороне и непосредственном сохранении колонии... За последние годы благодаря бежавшим в провинцию лоялистам английская партия обрела значительную силу... и более чем вероятно, что стремление к ассамблее с каждым годом теперь будет лишь усиливаться...» Губернатор вынужден был признать, хотя и в очень осторожной форме, необходимость введения ассамблей в колонии. «Но что является самым безотлагательным, так это изменение системы держания земель, жалуемых короной. Настоящие инструкции требуют, чтобы земли жаловались

⁶⁵ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 945. См. также документы: *Ibid.*, p. 942—946, 949—951.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 906.

на основе принципа, во всех отношениях схожего с системой времен французского правления⁶⁷. Какие бы преимущества эта система ни имела в прошлом, перемены последних лет на этом континенте были столь великими, что для Великобритании стала необходимой новая линия в политике, учитывающая сегодняшнее положение в соседних штатах и соответствующая мировоззрению и характеру подданных короля. Поэтому я настойчиво предлагаю, чтобы его величество великодушно позволил губернатору и совету жаловать королевские земли на основе принципа *in free and common soccage* без обложения какой-либо королевской рентой»⁶⁸.

По мнению Карлтона, при размежевании земли на крупные массивы (тауншипы) из 30 тыс. акров земли следует оставлять на будущее под контролем короны 5 тыс. акров. Эти участки составят коронные резервы и дадут возможность королю вознаградить тех служителей колониального правительства, которые этого будут достойны. Но самое главное — эти земли дадут возможность королю «создать и укрепить аристократию, от которой может быть большая польза на этом континенте, где все правительства слабые и общее положение вещей имеет тенденцию к проявлению необузданной демократии»⁶⁹. Именно эта идея, как покажет последующий анализ документов, легла в основу нового колониального устройства Канады.

Весной 1788 г. английский парламент впервые взялся за обсуждение положения в Канаде, заслушав в палате общин изложение петиции от 24 ноября 1784 г., с которой выступили представители колонии. Никаких решений на этой сессии принято не было. У. Питт под предлогом необходимости получить из Канады более полную информацию, настоял на перенесении обсуждения на следующую сессию⁷⁰. Потребовалось еще три года, в течение которых вырабатывалось и оформлялось новое колониальное устройство в Северной Америке. Анализ многочисленных официальных документов, предшествовавших принятию нового парламентского акта о Канаде, показывает, что вся политика метрополии по отношению к Канаде определялась двумя основными моментами. С одной стороны (и это было причиной, почему король и парламент обратили внимание на положение в колонии), требовалось как можно скорее покончить с усиливающимся движением протеста против существующего порядка в Канаде, пока ход событий не привел к положению, чреватому необратимыми последствиями. С другой — американская революция была столь сильным ударом по всей колониальной империи Ве-

⁶⁷ Г. Карлтон сам когда-то был инициатором этих инструкций (*Ibid.*, p. 202, 204, 295).

⁶⁸ *Ibid.*, p. 947.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 948.

⁷⁰ V. T. Harlow. *Op. cit.*, p. 748—749.

ликобритании, что, дабы не утратить ее остатки, было необходимо извлечь уроки из недавних событий и найти им надежное противоядие на будущее.

Во имя создания «второй империи» колонизаторы были готовы сдать на свалку кое-что из того, что уже бесповоротно было отвергнуто революцией в Америке, а к тому времени уже и начавшейся революцией в Европе, пойти на существенные уступки колонистам. В октябре 1789 г. министр по делам колоний лорд Гренвилл писал губернатору Карлтону, что самое разумное — «пойти на эти уступки, пока они еще могут быть восприняты как благодеяние и пока мы еще в силах показать, как ими пользоваться и контролировать их претворение в жизнь, чем ждать, когда они будут вырваны у нас силой, что не оставит нам ни свободы действий, ни каких-либо заслуг за сделанное» ⁷¹.

Эти откровенные слова были написаны в письме под пометкой «лично и секретно». В тот же день адресат направил официальное послание, где излагались основы предстоящих перемен. Учитывая характер населения колонии, различия в языке и традициях жителей французского и английского происхождения, Квебек предполагалось поделить на две самостоятельные колониальные провинции. Высшие органы провинции должны будут состоять из губернатора, законодательного совета и палаты ассамблей. Установление выборной низшей палаты колониального парламента будет сбалансировано предоставлением самых широких полномочий его высшей палате — законодательному совету. Его члены будут назначаться пожизненно из числа представителей высших классов общества с предоставлением последним каких-либо аристократических титулов. Цель этих установлений — одновременно «предоставить верхней ступени законодательного органа большую значимость и вес, чем обладали подобные советы в старых колониальных правительствах, и образовать в провинциях категорию людей, приверженных существующей форме правления ввиду обладания личными или наследственными знаками отличия» ⁷².

Гренвилл сообщал также о намерении внести в новую конституцию пункт о резервации при пожаловании части земли в пользу короны, чтобы обеспечить последней постоянный и растущий источник доходов: «мера, — как писал государственный секретарь, — будь она принята при заселении старых колоний, сохранила бы их нам до сегодняшнего момента в покорности и подчинении» ⁷³.

Следует отметить, что, прежде чем появился на свет проект парламентского акта о Канаде, в недрах министерства по делам колоний была проделана большая работа по обобщению получен-

⁷¹ PACR, 1890, p. 10.

⁷² PACR, 1890, p. 12; Constitutional Documents, 1759—1791, p. 988—989.

⁷³ PACR, 1890, p. 10; Constitutional Documents, 1759—1791, p. 970.

пой из колонии информации. Довольно тщательно взвешивались «за» и «против» каких-либо существенных перемен в Канаде. Свидетельство тому — один из подготовительных документов, представляющий большой интерес для характеристики мотивов и намерений метрополии в то время. Касаясь вопроса об ассамблее, автор документа сделал достаточно глубокое заключение, что подавляющее большинство населения, в том числе франкоканадское, не будет выступать против введения в колонии выборной ассамблеи, что подлинные и единственные противники этой меры — франкоканадская знать, которая «в установлении народной ассамблеи видит угрозу своим особым правам и привилегиям», особенно касающимся земельной собственности⁷⁴. В документе отмечалось, что вес и влияние феодальной знати в колонии заметно падает. Одновременно в результате «притока английских поселенцев и быстрого развития английской торговли, партия, которая недовольна существующей формой правления, будет постоянно усиливаться в стране, не имея в то же время возможности увеличить свой собственный вес и влияние в управлении». В связи с этим «и без того беспокойное положение в колонии будет лишь ухудшаться, а движение недовольства усиливаться»⁷⁵. Однако введение ассамблеи, как справедливо полагали в министерстве колоний, «ведет неминуемо к отделению», и метрополия вынуждена с этим мириться, поскольку ассамблеи «случайно или по необходимости» уже существуют в английских колониях. Следовало лишь при введении ассамблей в Канаде учесть печальный для метрополии опыт их существования в американских колониях. «Отпадение американских провинций,— говорилось в документе,— может быть во многом объяснено слабостью промежуточных органов власти, которые бы действовали в качестве преграды как плохому управлению губернаторов, так и демократическому духу, который преобладал в ассамблеях...» В связи с этим в Лондоне пришли к заключению об особой важности «установления в оставшихся провинциях респектабельной аристократии, которая служила бы опорой и защитой монархии». Из представителей этой колониальной аристократии должен был быть сформирован высший орган колониального парламента — законодательный совет, который вместе с губернатором послужил бы гарантом против всяких «инноваций». Власть монархии и ее представителей должна быть укреплена в оставшихся колониях также за счет централизации и усиления высшей исполнительной власти в лице губернатора.

Что касается системы законов и права внутри колонии, то здесь также за исходные рассуждения брались уроки недавней революции в колониях, и главная задача метрополии — сохранить колонии в зависимости как можно дольше и «с наиболь-

⁷⁴ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 973—975.

⁷⁵ Ibid., p. 972.

пней пользой для Великобритании». Чиновники в Лондоне задавали вполне резонный вопрос: «Сможет ли какая-нибудь установленная в настоящее время форма правления предотвратить отделение столь крупного и отдаленного владения, после того как оно достигнет определенной степени развития? ... Подлинный вопрос, который сейчас представляется решить, — это какая форма правления лучше рассчитана на то, чтобы отодвинуть это отделение на более отдаленный период»⁷⁶. Такой формой правления, «свободной от недостатков», содержащихся в конституциях старых колоний, и «способной надежно обезопасить от роста духа республиканизма и независимости», должна была стать, по мысли колониальных чиновников, менее деспотическая и более приближающаяся к английской конституции форма правления. Эта мера стала тогда абсолютно неизбежной для Канады по той причине, что «соседство американских штатов и даже сохранившихся английских колоний делает невозможным, чтобы народ Канады продолжал терпеть существование нынешней системы управления»⁷⁷.

Составленный в духе изложенных выше принципов проект парламентского закона о Канаде был направлен новым секретарем по делам колоний У. Гренвиллом колониальным властям Квебека для ознакомления⁷⁸. Интерес представляют предложения и поправки к биллю, разработанные главным судьей колонии У. Смитом, по мнению которого «план Гренвилла» не обеспечивал в должной мере «общее руководство североамериканскими колониями во имя обеспечения интересов и безопасности всей Британской империи». Как считал Смит, новый законопроект создаст «надежную основу для двух обширных, населенных и процветающих провинций, которые в недалеком будущем станут обладать большой силой... Но это процветание может стать их гибелью...» Парадоксальность подобного рассуждения обосновывалась следующим образом: «...Я имел возможность проследить историю прошлого восстания и выявить его первоначальные причины... Вся истина в том, что страна переросла свою форму правления. Американская ассамблея, тихая во времена раннего младенчества, не могла не обнаружить в процессе своего развития и укрепления, что сама по себе являлась субстанцией власти, а губернатор и совет были лишь ее тенями в политической системе. Таким образом с момента основания колоний Америка оказалась заражена духом демократии». Точно так же «нет смысла ожидать мудрости и умеренности» от подобных «минипарламентов» и в канадских провинциях. Исходя из всего этого, Смит внес поправки к биллю, предусматривающие создание единой колониальной империи в Северной Америке с сильной

⁷⁶ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 983.

⁷⁷ Ibid., p. 987.

⁷⁸ Ibid., p. 987—1002.

централизованной властью метрополии⁷⁹. Целиком эти предложения не были одобрены в Лондоне⁸⁰, однако сама идея и ряд предложений были приняты и нашли отражение в новом колониальном устройстве Канады.

В феврале 1791 г. английский парламент одобрил предложенный правительством Уильяма Питта младшего проект закона о Канаде, который получил название конституционного акта 1791 г.⁸¹ Этим актом бывшая колония Квебек делилась на две провинции — Верхняя (английская) и Нижняя (французская) Канады, граница между которыми была установлена по р. Оттаве. В каждой провинции устанавливались свои колониальные правительства во главе с губернаторами, обладавшими высшей законодательной, судебной и военной властью. Актом учреждались также колониальные парламенты, состоящие из законодательного совета и ассамблей. Совет назначался губернатором пожизненно и с наследственным правом, ассамблея избиралась населением на основе имущественного ценза. Все старые законы, в том числе феодальное право в Нижней Канаде, оставались в силе, так же как и все колониальные ограничения на торговлю и хозяйство. На территории Верхней Канады земля должна была отныне жаловаться на основе английского свободного держания (фригольда). В Нижней Канаде этот принцип не носил обязательного характера. За римско-католической церковью сохранилось право на сбор десятины с верующих-католиков, но все прочие привилегии, в том числе право на резервацию $\frac{1}{7}$ всех отныне жалуемых в обеих провинциях земель, получила англиканская церковь.

По сравнению с предыдущим колониальным устройством конституционный акт 1791 г. в определенном смысле означал уступку со стороны метрополии и представлял собой некоторый шаг вперед в развитии колонии⁸². Население Канады впервые получило право на представительный орган — ассамблею, которого оно не имело в отличие от других английских колоний в Северной Америке. Как показал последующий ход событий, колониальные ассамблеи сыграли важную роль в растущем освободительном движении против метрополии и в завоевании независимости. Кроме того, сохранив феодальные отношения на значительной части территории Канады, Великобритания все же установила в колонии альтернативу в аграрных отношениях, противопоставив феодальным отношениям принцип свободного, бур-

⁷⁹ Ibid., p. 1018—1025.

⁸⁰ Ibid., p. 1027.

⁸¹ Ibid., p. 1031—1051.

⁸² Что касается экономического развития колонии, то, по мнению известного канадского историка Д. Крейтона, раздел Канады в 1791 г. нанес сильный удар по экономике и торговым отношениям, и страна из-за этого «отстала на четверть века в развитии торговли на новых западных землях» (D. Creighton. Op. cit., p. 115).

буржуазного владения землей, который стал в будущем одной из основ развития капиталистических отношений в стране⁸³.

Но, как мы уже видели, уступки были вынужденными, они были сделаны под влиянием американской революции, приведшей к образованию рядом с Канадой независимой буржуазной республики — Соединенных Штатов Америки⁸⁴. Определенное влияние на Великобританию оказала и Великая Французская буржуазная революция, нанеся сильнейший удар по феодализму в Европе. Не рассматривая специально этот вопрос в данной статье, все же напомним, что влияние революции во Франции на господствующие классы Англии было огромным⁸⁵. Именно в момент выработки и принятия конституционного акта в английском парламенте шли знаменитые дебаты между сторонниками и противниками Франции в лице известнейших политических деятелей того времени — Э. Берка и У. Фокса.

И все же решающую роль в этом процессе сыграли требования широких слоев колониального населения, демократическое движение за реформы, против существующего колониального режима.

Известное влияние оказал и такой фактор, как эмиграция и поселение в Канаде американских лоялистов. Однако вопрос о влиянии лоялистского фактора требует уточнения. Мы не склонны придавать этому фактору исключительное значение, как это делают некоторые исследователи⁸⁶. В лоялистской иммиграции проявился, на наш взгляд, двойственный характер последствий американской революции. Выступая первоначально за некоторую демократизацию колониального режима, именно американские лоялисты, удовлетворившись сделанными метрополией уступками, составили в последующем основу консервативных, наиболее шовинистически и верноподданнически настроенных сил в стране. Как справедливо отмечал канадский историк С. Б. Райерсон, лоялистская иммиграция в силу своего характера привела как бы «к переливанию в Канаду консерватизма и к укреплению колониальной бюрократии»⁸⁷. Родившаяся в те годы и тщательно культивируемая на протяжении многих десятилетий⁸⁸,

⁸³ См.: В. А. Тишков. Проблема заселения и развитие капиталистических отношений в Канаде в период английского колониального господства. — «Американский ежегодник. 1973». М., 1973, стр. 123—155.

⁸⁴ Этот фактор был отмечен советским историком Н. А. Ерофеевым в дискуссии на XI Международном конгрессе исторических наук (Actes du Congrès, p. 203).

⁸⁵ См.: К. Н. Татаринова. Очерки по истории Англии. 1640—1815 гг. М., 1958, стр. 371—374.

⁸⁶ Мэннинг, например, считает, что только благодаря лоялистам был принят акт 1791 г. (H. T. Manning. Op. cit., p. 39—40).

⁸⁷ С. Б. Райерсон. Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815 года. М., 1963, стр. 243.

⁸⁸ С 1825 по 1970 г. о лоялистах было опубликовано 232 книги и 324 статьи (см.: J.-A. Fellows. The Loyalist Myth in Canada. — Canadian Historical Association. Historical Papers, 1971). Toronto, 1971, p. 94—111).

«Лоялистская традиция» в Канаде была по своей природе действительно консервативной, так как прежде всего провозглашала лояльность по отношению к установленным институтам, святость закона и существующего порядка⁸⁹. Влияние этих сил сильно затруднило в будущем развитие в Канаде демократического, освободительного движения.

Что касается основ колониального режима, то он был сохранен метрополией в неприкосновенности. Были устранены лишь наиболее откровенные его пороки. Под видимостью демократических учреждений реальная власть метрополии в колонии была не только сохранена, но и отчасти упрочена. Установление привилегированной англиканской церкви, уступки торгово-промышленным элементам, насаждение и поддержка аристократических сил и институтов расширили и укрепили опору колониального режима в Канаде. Более гибкая и осторожная колониальная политика, с учетом горького прошлого опыта, стала, таким образом, лишь дополнительным орудием метрополии. Не в этом ли одно из объяснений столь трудного и сложного процесса становления канадской независимости?

В целом конституционный акт 1791 г. не решил ни одного из серьезных противоречий в колониальной Канаде. Он лишь усугубил старые и создал новые. Одним из таких противоречий остался франкоканадский национальный вопрос, возникший со времени английского завоевания. Американская революция и последовавшие за ней события в колониальном Квебеке внесли ряд новых моментов в существо этого вопроса.

Лоялистская иммиграция повысила удельный вес английского населения в Канаде с 4 до 14%, но общее соотношение английских и французских элементов оставалось прежним: франкоканадцы составляли подавляющее большинство. Однако их роль в хозяйственной и политической жизни колонии оставалась ничтожной. Торговля и другие сферы деловой активности были уделом английского меньшинства. Так, создав «Северо-западную компанию», монреальское купечество английского происхождения установило свою монополию на важнейшую отрасль колониальной экономики — пушную торговлю. В 1789 г. на долю франкоканадских мелких торговцев-трапперов приходилось лишь около 15% мехоторговли с индейцами⁹⁰. Об относительном упадке предпринимательской деятельности франкоканадцев за первые три десятилетия английского господства свидетельствует и тот факт, что в 1790 г. из проживавших в столице колонии г. Квебеке 37 крупных купцов и деловых людей только четверо были французского происхождения⁹¹.

⁸⁹ D. Bell. The Loyalist Tradition in Canada.— «Journal of Canadian Studies», 1970, Vol. 5, N 2, p. 22—33.

⁹⁰ «Colonists and Canadiens...», p. 54—55.

⁹¹ M. Brunet. La Conquête anglaise et la déchéance de la bourgeoisie canadienne, 1760—1793.— «Amérique française», 1955, vol. 12, N 2, p. 56.

В колониальном правительстве (исполнительном совете) Квебека англоканадцы превосходили в несколько раз представителей от франкоканадской общности. Причем последние были представлены престарелыми сеньорами, утратившими всякое влияние. Лишь в 1778 г. в совет попал первый и единственный представитель нарождающейся франкоканадской буржуазии — квебекский купец Ф. Бэби⁹².

В рассматриваемый период отношение колониальных властей к франкоканадцам претерпело существенные метаморфозы. До революции в Америке, по крайней мере в публичной форме и в официальной переписке, английские колониальные чиновники имели обыкновение расточать комплименты в адрес завоеванных «новых подданных». Так, первый губернатор Квебека Д. Мюррей называл франкоканадцев «самой храброй и лучшей расой на земле», «наиболее преданным и полезным типом людей в американской империи»⁹³. Однако поведение основной массы жителей Квебека в годы войны Англии с восставшими колониями и отмеченные выше перемены внутри Квебека после окончания революции породили совсем другие настроения. Один из бывших поборников политики терпимости по отношению к франкоканадцам, главный судья провинции Хэй, возвратившись в Канаду после революции, писал в отчаянии лорду-канцлеру: «К несчастью, каждый день приносит слишком много примеров этому (нежеланию франкоканадцев поддерживать метрополию.— *В. Т.*) и приводит меня к мысли, что подлинный характер канадцев совсем не такой, каким я обычно представлял себе и Вашей светлости при каждом удобном случае... Время и случай показали, что они были покорными только по той причине, что боялись вести себя по-иному, и когда этот страх исчез (с отводом войск), прошло и все их доброе расположение, о котором мы столько говорили и полагали, что оно будет вечным»⁹⁴. Губернатор Г. Карлтон также не замедлил уведомить Лондон о своих старых заблуждениях: «Что касается моего мнения о канадцах, то я думаю, что, пока мы находимся в процветающем положении, нам нечего их бояться, так же как и не может быть на них никакой надежды, если мы окажемся в какой-либо беде»⁹⁵.

Следует отметить, что в отношении колониальных властей к канадцам французского происхождения, видимо, сказался и общий рост антифранцузских настроений в среде английского господствующего класса, особенно с началом революции во Франции в 1789 г. Эти настроения распространились и на колонии, причем не только на Канаду⁹⁶.

⁹² *M. E. Arthur. French-Canadian Participation in the Government of Canada. 1775—1785.*— *CHR*, 1951, Vol. 32, N 4, p. 303—304.

⁹³ *Constitutional Documents, 1759—1791*, p. 231.

⁹⁴ *Constitutional Documents, 1791—1818*, p. 668.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 675.

⁹⁶ *H. T. Manning. Op. cit.*, p. 317.

Приток новых поселенцев-лоялистов и упрочившиеся позиции английских торговых элементов в провинции возродили с новой силой ассимиляторские тенденции в английской колониальной политике в Канаде и шовинистические настроения среди английского меньшинства, которые несколько ослабили в преддверии и в ходе революции. Лоялисты и монреальские торговцы, ратовавшие за перемены в колониальном режиме, зачастую мыслили процесс демократизации колониальных порядков односторонне и отождествляли его с процессом превращения колонии в чисто английскую провинцию, избавленную от всего французского. Так, один из лидеров сторонников реформ в Канаде, член совета при губернаторе Х. Финли, настойчиво выступал за превращение всей Канады в английскую колонию. «Пусть все школьные учителя будут английского происхождения, если этим удалось бы превратить канадцев (имеются в виду франкоканадцы.— В. Т.) в англичан»,— писал Финли в 1784 г. По его мнению, «небольшие усилия» сделали бы франкоканадцев англичанами, и чем «скорее они избавятся от ненужных пристрастий (если таковые останутся), тем лучше это будет для Канады как английской колонии, где мы все должны быть англичанами по своему духу»⁹⁷.

Ассимиляторская позиция была распространена в самых высоких инстанциях и наложила свой явный отпечаток на политику метрополии. Тот же Х. Финли, излагая требования канадских петиционеров, в письме своему личному другу Нипину, заместителю государственного секретаря по делам колоний, сформулировал целую программу ассимиляции франкоканадцев, по его мнению, не способных и не готовых к тому, чтобы иметь выборные институты и участвовать в управлении делами колонии: «Мы должны превратить народ полностью в англичан. Это должно быть сделано путем введения английского языка, бесплатных школ и ведением всего судопроизводства в колонии только на английском языке»⁹⁸.

Это послание было получено Нипином в момент его работы над поручением Гренвилла — составлением проекта конституционного акта. Есть ли необходимость говорить, какие результаты могла дать подобная информация?

Парламентский акт 1791 г., пожалуй, лишь в одном делал уступку франкоканадскому населению: предоставил право выбирать своих представителей в провинциальную ассамблею. Но предоставленное право было настоящей химерой, ибо не давало никакой реальной власти. Первые же выборы и назначения в Нижней Канаде после вступления в силу новой конституции привели к тому, что франкоканадцы, составлявшие $14/15$ населения, имели четырех представителей из 9 в исполнительном совете, 7 из 16 — в законодательном совете и $3/4$ мест в ассамблее.

⁹⁷ Constitutional Documents, 1759—1791, p. 739—753.

⁹⁸ Ibid., p. 961.

Таким образом, лишь в ассамблее представители населения французского происхождения имели большинство. Но над ассамблеей были органы власти, ей никак не подчинявшиеся и диктовавшие свою волю. Большинство в этих высших избираемых органах и верхушку колониальной администрации составляли лица английского происхождения. Представительная власть на деле оказалась простым обманом⁹⁹.

На первый взгляд разделение Квебека на две провинции казалось уступкой франкоканадскому большинству. Старания англоканадских шовинистов не допустить раздела не были поддержаны в Лондоне. Но это совсем не означало отказа метрополии от политики «расфранцуживания» Канады, а лишь свидетельствовало о намерении проводить ее более гибкими методами. В самом деле, раздел Канады давал метрополии сразу двойную выгоду: с одной стороны, путем создания отдельной провинции Верхняя Канада консолидировалась консервативная сила в лице лоялистов, с другой — обеспечивалась изоляция французской части Канады в общей системе Британской Северной Америки¹⁰⁰.

Раздел Канады на две самостоятельные части отрицательно сказался на развитии освободительного движения против метрополии в будущем, так как политическое развитие двух провинций пошло раздельными путями. Так, из-за раскола демократических сил в значительной степени потерпело поражение одно из крупнейших антиколониальных выступлений в канадской истории — восстание 1837—1838 гг.

Изолировав французскую Канаду и сохранив в ней в неприкосновенности старую систему феодального подчинения и гнета, метрополия не удовлетворила главных чаяний большинства франкоканадского крестьянства. Реальная власть в провинции осталась в руках англичан, которую они лишь частично делили с представителями верхушки франкоканадского общества: сеньорами и католическим духовенством. Сохранив формально французские право и законы, конституционный акт 1791 г. не обеспечил никаких гарантий их соблюдения. К тому же сохранение исторически отживших феодальных норм права само по себе уже было реакционным шагом и сделано было прежде всего в угоду сеньорам и духовенству католической церкви. Все судопроизводство и управление колонией осуществлялось на английском языке. В кон-

⁹⁹ D. Vaugeois. L'Union des deux Canadas. Nouvelle conquête? 1791—1840. Trois-Rivieres, 1962, p. 15—27.

¹⁰⁰ Во время дискуссии на XI Международном конгрессе исторических наук канадский историк Д. Ротни справедливо отметил, что акт 1791 г. не имел целью «предоставить франкоканадцам свое собственное государство», а скорее преследовал задачу создать отдельное английское политическое образование для «лоялистов единой империи». Этот раздел был отражением сугубо проанглийской идеи сократить территорию, на которой могли существовать французские институты и законы (Actes du Congrès, p. 203).

ституционном акте не было сказано ни слова о праве франко-канадцев на свой язык.

Будучи по своему духу и содержанию мерой противоречивой, паллиативной, акт 1791 г. отражал достаточно последовательно один из принципов английской колониальной политики в Канаде — интегрирование крупной переселенческой колониальной общности европейского происхождения в британскую колониальную систему. В целях обеспечения лояльности подданных метрополия в зависимости от обстоятельств пыталась соединить политику уступок франкоканадскому населению с политикой его неизбежного «обангличанивания». Как справедливо отметил крупный специалист по истории английской колониальной политики английский профессор В. Харлоу, «еще в 1774 г. ... лорд Норт выражал надежду превратить провинцию в сугубо английскую... и уж 17 лет спустя, когда рядом с французским стало селиться растущее английское население, Питт и Гренвилл наверняка желали, чтобы этот процесс был ускорен» ¹⁰¹.

В англоязычной историографии колониалистского толка встречается и иная оценка акта 1791 г. как добровольного «дара» канадским провинциям управления по «модели» английской конституции, якобы «наилучшей формы управления», которую тогда знали творцы колониальной конституции ¹⁰². Приведенный нами выше документальный материал и сделанные выводы показывают беспочвенность подобных заключений.

Ассимиляторская политика колонизаторов и замысел конституционного акта 1791 г. потерпели в конечном итоге поражение. Политическая борьба 80-х годов в колонии, революционные события в Америке и Европе укрепили франкоканадское национальное движение, подъем которого начинается сразу же после 1791 г. Что касается английской части Канады (провинция Верхняя Канада), то здесь метрополии удалось лишь на время задержать рост демократических, освободительных сил, которые уже в первое десятилетие XIX в. заявили о себе открыто.

¹⁰¹ V. T. Harlow. *Op. cit.*, p. 773.

¹⁰² G. S. Graham. *Op. cit.*, p. 104; H. T. Manning. *Op. cit.*, p. 333.